

Лилия Винокурова

Еще раз о языке и радостях перевода

Когда говорят о языке любого из российских этносов: нужен он, не нужен, стоит на нем говорить, не стоит, учить ребенка или не учить, — говорят о российском достоянии. Многоликая, многоязычная наша страна действительно культурная, цивилизационная супердержава. Сохранение языков как основы культурного многообразия в будущем интеллектуальном мире — это стратегический расчет, создание геополитических форпостов, ресурсный депозитарий в глобальном масштабе.

Порой вопрос о языке чрезмерно политизируется. Язык всегда оружие громадной силы, он может стать мощным объединяющим или раскалывающим инструментом. Но никогда в политических спорах Язык не рассматривался как самоценность, как культурный Текст, рассыпанный по разным народам и странам. Сегодня можно по-другому взглянуть на существующие и уже ушедшие языки. Каждый из них — часть общечеловеческой единой мозаики, многослойный палимпсест, хранящий информацию исторической, универсальной ценности. Каждый язык — ключ к утерянному или будущему знанию. Сегодня мы в состоянии восстановить и озвучить ушедшие наречия — технически это возможно. Тем более мы в состоянии сохранить еще живущие языки. В чем же дело? Должен произойти поворот в ментальном пространстве — в восприятии языка любого народа, крупного или небольшого, как сокровища, богатства, доставшегося нам просто по праву рождения на этой земле. Смерть, болезнь любого языка — удар по общечеловеческому зданию культуры

...Эта вечная неизвестность чужого языка! Другой язык — как чужая душа, потемки сплошные. Неспроста в старину на Руси всех, кто не говорил по-русски, называли немцами, то есть немymi. Неродное наречие кажется странным, некрасивым, даже подозрительным. Но жизнь во все времена требовала языкового понимания — для торговли, заключения союза или объявления войны. Поэтому всегда был нужен толмач. Тюркское слово «тылмач» означает «перевод», «переводчик», кстати, и якутски («тыл маас, тылбаас»). Перевели — и речь чужаков стала сразу понятной, намерения ясными. Растворяются сомнения, начинается человеческое общение. Через другой язык открывается окно в другое мироздание.

Мама моя боготворила русскую литературу. Книги были главной ценностью в семье. В маленьком деревянном доме тихо гудела печь, мама читала вслух стихи на русском языке. Очень любила Лермонтова. Поэмы «Мцыри» и «Демон» на память

большими кусками читала. «Клянусь я первым днем творенья», — звенело от этих слов, и я думала, что это одно цельное русское слово «первыйденьтворения». Позже мама принесла Пастернака: «Приходил по ночам, в синеве ледника от Тамары, парой крыл намечал — где гудеть, где кончаться кошмару». До сих пор дыхание перехватывает от рокочущей музыки, нарастающего гула прекрасного ужаса...

Было смутное ощущение, детское предчувствие, что Пастернак может звучать *так* только на русском языке. Сейчас понимаю, что можно перевести поэзию, пересказать, переложить, но что-то при этом ускользает, предстает немного иным. Андрей Вознесенский выстраданно обронил: «Лермонтов непереволим». Сам Лермонтов говорил, что мучительно трудно переводить Гёте на русский язык. Как завораживающе филигранны и мелодичны должны быть немецкие оригиналы: собратьев переводят, когда потрясены мастерством. Но даже Лермонтов признал: часть волшебства осталась на другом языке....

Во всей первозданности, наверное, непереволим любой большой поэт. Но столько красоты создается в ходе самой работы переводчика! Великолепны шекспировские сонеты на якутском языке у Семёна Руфова. Поразительно им передан образ Прекрасной Дамы, вдохновлявшей бессмертного британца. Рука тянется к обратному (четвертому по счету!) переводу, чтобы восхититься строками о Смуглой леди: «тэтэркэйинэн дьадаһа» — о бледности щек любимой женщины. Акварельно нежна и прозрачна строка на якутском: «скудея румянцем»... Произошла новая «перегонка» через сердце: по маршаковским русским строкам якутский поэт озвучил на родном языке Шекспира. И через шесть веков я плачу над строкою, в которой слышен живой вздох, искрится чувство, которому нет тлена.

Огромную радость приносит осознание красоты живущих языков, внутреннего смысла разных культур. Как хочется, чтобы все больше людей знали мой якутский язык. Чтобы слышали, сколько в нем пронзительной точности, отшлифованной веками мудрости, скрытой силы. Древний мой язык, примыкающий к праязыкам, понятный миллионам людей. Тихо теряющий своих хранителей: по переписи 2010 года около двадцати восьми тысяч якутов признались, что на родном языке не говорят. В минуту торжества или горя они уже не расслышат голоса благословляющих и охраняющих предков. Тридцать лет назад таких было ровно в два раза меньше.

Но на якутском языке еще говорят сотни тысяч человек на этой земле! И не все они якуты по крови, потому что язык долгое время царствовал в просторном краю, был домашним, родным для многих. Вдоль ленских берегов и у Студеного моря столько еще синеглазых якутов по языку и культуре. Якутский язык понимали тундровики и ямщики, пашенные крестьяне и писари, он был лингва франка торговцев, чиновников и православных священников. Язык братства людей, живущих под Полярной звездой: столетиями на возглас «Догор!» оборачивалась вся Якутия.

Порой мне кажется, что наш язык в своей судьбе сродни литовскому. Живущий в устах почти трех миллионов литовцев всего мира язык содержит архаичные формы языков индоевропейской семьи. Его уникальность заключается в том, что он считается «эталонным» для исторической лингвистики. Этимологи сверяют по нему свои реконструкции при восстановлении древнейших общеиндоевропейских праформ. В литовском почти всегда найдется сходное, совпадающие или близкое по значению слово. Якутский несет в себе знаки старинного тюркоязычия: от Дарданелл до моря Лаптевых до сих пор живут миллионы людей, начинающих счет от *бир* и *икки*. Одинаково или очень знакомо звучат *луна* и *снег*, *береста* и *вода*, *звезда* и *дорога* — слова, родившиеся в незапамятные времена. А в архаичных чувашском и якутском языках солнце не *светит*, а *смотрит* в память о живом Солнце, милостиво глядящем на своих подданных! Такие древние, такие разные на лицо, далекие друг от друга по привычкам и укладу жизни народы, но каждую весну вдоль Реки Жизни идут, взявшись за руки, вечно юные Кыыс и Уол. Миллионы людей, хранящих музыку тюркской речи, — мы действительно долгое, звездное эхо друг друга...

Сегодня в мире правит бал английский язык. На нем общается Всемирная паутина — Интернет. На английском пишут, читают, играют, поют, а главное, на нем обучают в садах и в школах миллионы детей. И не только природных англичан. Эти дети будут мечтать, творить и плакать на английском всю жизнь. Но судьба вознесла английский язык на такую вершину не сразу. Было время, когда он был второсортным, презираемым языком простолюдинов — в эпоху нормандского завоевания Англии. Как и везде, победившие пришельцы считали язык коренного населения отсталым и некультурным. Власть и Закон говорили на нормандском языке и на латыни.

Через триста лет после завоевания Англии Вильгельмом Первым, в 1362 году английский король Эдуард Третий произнес свою тронную речь по-английски. И сразу же, в том же году заседание английского парламента открылось на английском языке. До этого триста лет элита говорила на языке завоевателей! Триста лет английский язык умирал и триста лет боролся за право жить. Король и парламент заговорили по-английски, но прошло еще сто лет, прежде чем английский язык вернулся в школы. Четыре века простые англичане упрямо разговаривали со своими детьми на языке, на котором нельзя было получить образование или сделать карьеру...

Смешные люди, сегодня мы платим немалые деньги за курсы и репетиторов, чтобы дети говорили на английском и китайском. Разговариваем с малышами на чужих языках, «чтобы быстрее освоили». Нам лень рассказать ребенку старинную сказку на якутском языке. Некогда спеть колыбельную, объяснить затейливое предание — проще включить телевизор или вложить в руки гаджет. Дети умные, они улавливают наши слабость и лень. Грустно, но каждую осень будут сотни отказов от уроков родного языка. Молодые родители нередко говорят: «Зачем? На нем не обучают в университетах, он не нужен для успешной карьеры».

Мелодия якутской речи — часть евразийской полифонии, возможность уловить смыслы в общении с миллионами. Лишая малыша родного якутского, мы так легко выбиваем из-под его ног и этот мостик. Но прежде всего мы стираем пароли к родной культуре, к зашифрованному в якутском языке посланию предков. Ведь язык — драгоценный многослойный текст, тысячелетнее Знание, практическая инструкция для потомков, закодированная в сказках, загадках, в шуточных скороговорках, в тысячах строк олонхо. Наша первая опора и защита, убежище в минуты слабости, пространство нашего ликования, бесценное и бесплатное наше сокровище, до конца непознанное и всегда неожиданное в своих гранях и открытиях, бездонное в своих ресурсах. Мир якутского языка — еще живой, еще светящийся в ожидании новых душ и сердец, новых посвященных в него.

В девяностых годах прошлого века в нашей школе за факультативы якутского языка из родителей первыми и больше всех ратовали мамы не-якутки... Русские, украинки, кореянки, немки, еврейки считали, что их дети не должны упускать возможности быстро и бесплатно овладеть языком хотя бы на уровне разговорного. Дочери больших народов быстрее поняли, что второй или третий язык в меняющемся мире не прихоть, а необходимость. Неродной, дополнительный язык — это кирпичик в здание образованности, оружие в будущей профессии, карьере, бизнесе. Мамы-якутки равнодушно или боязливо (страшно же выглядеть выпячивающей свой язык националисткой!) пожимали плечами. А дети всегда согласны не учить *лишнее*... И только повзрослев, они предъявят родителям запоздавший счет: за что и почему. Почему так бездумно лишили возможности слышать, читать и общаться на родном языке? За что приходится на далеких перекрестках чужих культур краснеть за свою глухоту к родной речи? Походя ограбить собственных детей, урезав их знания и культурные корни — это мы умеем...

Мы опережаем даже неумолимое Время, тот день, когда на Земле останется последний якут. Как и сотни других народов в Среднем мире, уйдем и мы когда-нибудь. И с нами уйдет наш язык. Язык, в котором жили люди и духи, красота и

безобразии, труд и безделье, мечта и тоска. Исчезнет мир, в котором жили наши предки с их простыми и понятными даже ребенку правилами жизни. С их нормами поведения, которые помогли им стать народом высокой терпимости и молчаливой любви к ближнему.

Ценности предков заслуживают внимания — они сформированы тысячелетней историей людей, не просто выживших в малопригодном для процветания краю, людей, уважительно приручивших суровую природу и научивших своих детей любить эту землю. Людей, которые дыханием своим согрели, очеловечили бескрайнюю неласковую тайгу, оставив на стоянках у безлюдных дорог сухую вязанку дров и огниво. Чтобы тот, кого они никогда не увидят, однажды в непогоду и холод мог спастись теплом костра.

Что является ценностью и божеством для многих живущих сегодня культур? Деньги. Труд, здоровье, красота, вся жизнь иных людей — все во имя их, денег. Успех определяется тоже ими — за сколько продал труд, талант, красоту. Последнюю продают особенно охотно и не всегда свою, а красоту наследства предков, секреты мастерства или неизреченную тайну сказаний. Свои или чужие могут спросить: сколько ты стоишь? Пару-другую миллионов «деревянных» или «зеленых», плюс депозиты и акции, плюс недвижимость под чужим небом. Может, стоишь чуть больше или дешевле соседа. Или ты стоишь зарплату минус расходы, то есть ты ничего не стоишь...

Интересная вещь — в древнейшем из тюркских языков, на якутском, деньги звучат как «харчы». Глаголы образуются от них же: «харчылыыр» — снабдить деньгами, «харчылаһа» — в поисках денег. На русском языке есть выражение «харчеваться», в смысле — питаться. Русские деньги зарабатывают, англичане делают — «make money», и только якуты... убивают деньги. Так дословно и звучит якутская версия слова «зарабатывать» — «харчы өлөрө», то есть «убивать деньги». Простое словосочетание, но столько в нем чисто якутской иронии и глубинного общечеловеческого смысла. Действительно, деньги надо убивать. Снимать с них шкурки, одеть женщин. Сварить мясо, накормить детей и стариков. А жить нужно — для Другого.